

Государство и война

Рудольф Роккер

1953

Социалисты самых различных направлений уже давно привыкли обвинять капиталистическую экономику во всех грехах и преступлениях сегодняшнего общественного порядка и видеть в ней истинную причину всех войн, которые на протяжении столетий сотрясали и выводили из равновесия социальную жизнь народов. Это убеждение берёт своё настоящее начало в вере, что всё общественное зло должно сводиться к одной и той же причине, вере, которая заставила человеческое мышление посвятить себя поискам определённого универсального средства, на которое возлагали надежду на полнейшее устранение всех общественных недостатков. После того, как [люди] под влиянием марксистского учения освоились с мыслью, что в соответствующих условиях производства была обнаружена двигающая сила всех политических и идеологических изменений в структуре общества, остальные умозаключения не заставили себя ждать.

Как буржуазия, как класс, вытеснила феодальную экономическую систему аристократии и заменила её капиталистической экономикой, так пролетариату была приписана историческая миссия, заместить капитализм социализмом. Как необходимую переходную стадию для этого великого общественного изменения рассматривали так называемую «диктатуру пролетариата», которой отводилось задание упразднить классовые различия и по исполнению работы, согласно обязанности, исчезнуть, дабы бесклассовое социалистическое общество могло свободно развиваться в ассоциацию производителей подобно птице Фениксу из пепла. В теории это выглядело очень просто; дело было столь ясным, что до него можно было дотянуться руками. То, что новое учение было претенциозно выдано за научный социализм, в противоположность к мечтательским конструкциям так называемых утопистов, сыграло немалую роль в том, чтобы внушить его последователям ту некритическую надёжность убеждения, которая мнила себя возвышающейся над всяким сомнением и оклеветывала всякое отличающееся мнение как мелкобуржуазное. Обобщение – это всегда значительное средство, если речь заходит о подтверждении идей, так как они почти всегда опираются на гипотезы, которые ещё не могут быть опробованы в практическом опыте. В социальных вопросах, однако, они опасны вдвойне, особенно когда определённым историческим процессам пытаются придать вид развития по законам, которому невозможно найти доказательств заранее.

Сегодня, когда мы вынуждены считаться с действительностью, которую никто не мог предвидеть в полном объёме, мы понимаем лучше или должны бы лучше понимать, если действительно стараемся оценить ужасный опыт недавнего прошлого по его практическим результатам. Поверхностное утверждение, что капитализм является причиной всех войн, кажется нам сегодня слишком простым, чтобы мыслящий человек ещё воспринимал его серьёзно. Оно уже потому только шаткое, что война не является симптомом только капиталистической эры, но встречается во всех периодах человеческой истории, когда ещё не могло быть и речи о капиталистическом хозяйствовании. Нет ни одной эпохи в истории, которая не знала бы войны, от вражды полудиких народов из-за охотничьих угодий или пастбищ до бесконечных войн, которые продолжаются с основания первых государств до сегодняшнего дня.

Свой собственно милитаристский характер война получила лишь с развитием первых государств, которые посредством введения особых армий и сделали войну средством захвата. Во все времена известной истории война санкционировалась, организовывалась и проводилась государством. Её непосредственные причины были очень различны, каковыми они являются и по сей день, не смотря на то, что при этом всегда важны были властно-политические интересы, что было обосновано взаимным соперничеством различных государств. Во многих войнах важную роль играли религиозные противоречия. Как во время крестовых походов, в столетних распрях исламских государств с христианским миром, в гугенотских войнах, в Тридцатилетнюю войну и т.д., которые велись с особенным ожесточением, как все сражения, в которых речь шла о религиозных спорных вопросах или об идеологических противоположностях иного рода, как например, в революционных войнах самых разных стран. Многочисленные войны были вызваны династийными интересами или борьбой отдельных крупных государств за гегемонию в Европе. К таким принадлежат Столетняя война между Англией и Францией, испанско-австрийская война наследников и все последующие вооружённые конфликты на континенте от Наполеона до Гитлера.

Без сомнения, во всех этих сражениях, которые зачастую превращали целые части стран в пустыри, играли роль и экономические вопросы, так как в каждой войне речь идёт о военном и политическом подавлении противника, а каждое политическое подавление связано с экономической эксплуатацией побеждённых. Между всеми этими проявлениями общественной жизни есть внутренние взаимосвязи, которые никто не станет оспаривать, если серьёзно занимается этим вопросом. В большинстве случаев различные формы исторического события так тесно переплетены друг с другом, что их невозможно разделить. По этой причине каждая попытка, в одном определённом факторе общественного жизнеизъявления увидеть собственно причинную пружину всех исторических процессов, является совершенно безнадёжным предприятием, которое приводит к худшим заблуждениям, как именно сегодня это должен был распознать каждый, кто вообще хоть чему-то научился из событий новейшей истории.

Так как на капиталистическую экономику была взвалена полная ответственность за социальные недостатки, в том числе и собственно причина войны, почти никем не было замечено, что капитализм развился лишь в то время, когда в Европе уже существовал целый ряд крупных национальных государств, к которым должна была

приспособиться новая экономика. Что условия производства, представляющие собой, к слову, только часть экономики, не являются всемогущими и не «определяют общественного, политического и духовного жизненного процесса вообще» и «форм общественного сознания», следует уже из того, что королевский абсолютизм в Европе мог столетиями предотвращать всякую возможность развития средств производства своими бессмысленными приказами и регламентациями, не смотря на то, что общественное сознание уже давно присутствовало, что при том режиме всякое улучшение экономических условий жизни было исключено, как это достаточно ясно видно из трудов так называемой физиократической школы. Только после свержения абсолютной монархии и великих политических изменений, которые почти везде в Европе привели к эпохе революций, мог образоваться новый экономический порядок.

Капиталистическая экономика, которая не была ориентирована преимущественно на локальные и региональные потребности, подобно старой, но на массовое производство и, следовательно, на импорт сырья для своей промышленности и на экспорт готового товара для чужих рынков, была уже по своей природе интернациональна, тем не менее не могла взорвать узкие рамки национального государства и была вынуждена ему подчиниться; тем более, что её развитие поощрялось новым государством, которое пыталось приспособить её для своих властно-политических устремлений, как всякое учреждение в сфере своего влияния. Если это даже и правда, что носители капиталистической экономики оказали сильное влияние на формирование современного представительного государства, то остаётся не менее правдивым и то, что новое государство как раз помогало капиталистической экономике встать на ноги раздачей расширенных монополий и должно рассматриваться как настоящий создатель экономических монополий. Торг монополиями начался уже в период до собственно капитализма, в эру так называемого меркантилизма и продолжался с тех пор непрерывно, пока наконец-то сегодня не вылился в ряде стран в частичный, а в России и её сателлитах – в тоталитарный государственный капитализм.

Ни одна экономика, как бы не были извращены и несправедливы её основы, не имеет в войне непосредственного интереса, уже хотя бы потому, что экономика является слишком сложным сплетением, для которого каждое насильственное вмешательство должно быть опасным, и которое процветает наилучшим образом только в мирное время.

Даже то обстоятельство, что некоторые ветви промышленности получают огромные прибыли с приготовления к войне и самой войны, ничего не меняет в том факте, что война наносит экономике чудовищные раны, которые могут зажить только по прошествии длительных отрезков времени. О злобной роли так называемой оборонной промышленности было написано уже очень много, но при этом слишком часто забывается, что эти предприятия в действительности не были ни чем иным, как государственно санкционированными частными монополиями, как заводы Круппа в Германии, заводы Шнайдера во Франции, заводы Шкоды в Чехословакии, путиловские заводы в России, заводы Армстронга в Англии и подобные им многочисленные предприятия в тех же и других странах. Они поддерживались государством, поскольку оно нуждалось в них для исполнения своих властно-политических устремлений. Пока дело касалось коротких войн между отдельными государствами, последствия не были столь очевидными; сегодня же, когда малейшая война может закончиться

мировой катастрофой, когда по обе стороны находятся целые коалиции государств, ни от кого более не укроется то, что война является опаснейшим врагом экономики. Тому, кто до сих пор не был уверен в этом, должны были быть уроком ужасающие последствия обеих прошедших мировых войн для всей экономики, которые может не понять только духовно слепой.

Чудовищное опустошение целых стран, безумное расточение ценного сырья ради целей бессмысленного разрушения, насильственное уничтожение всех нормальных отношений торговли и обмена между странами, факт, что во многих государствах огромные слои среднего класса были полностью уничтожены социальными воздействиями войны, безграничная разруха, которую она распространила над целыми континентами и которая сегодня всё более разрастается до серьёзной угрозы всему царящему экономическому порядку – всё это показывает чётко и ясно, что продолжительные катастрофы неизбежно повергают всякую экономику в хаос, а общественную жизнь подвергают распаду и открытому варварству. Кто, после всего этого опыта, всё ещё утверждает, что капиталистическая экономика напрямую заинтересована в войне, тот утверждает тем самым, что её носители напрямую заинтересованы в том, чтобы покончить жизнь самоубийством. Тот забывает, что, исключая примитивные доисторические сообщества, все войны вызывались политикой государств, неважно, идёт ли речь преимущественно о политических, экономических или идеологических причинах.

Конечно, государству не удавалось бы получить согласие людей на войну, если бы оно не могло постоянно находить во всех слоях общества приверженцев своих планов, давших либо одурачить себя фальшивыми обещаниями, либо по собственной воле шедших навстречу его намерениям. Посему нельзя и с чистой совестью утверждать, что буржуазия, как предполагаемый носитель капиталистической экономики, ответственна за войну в целом или хотя бы за все войны капиталистического периода. В то, что захватнические войны македонцев, персов и римлян или грабительские набеги Чингиз-Хана, Тамерлана, Аттилы и бесконецные распри во время Переселения народов, столетиями наполнявшие обширные области Европы и Азии убийством и пожарами, можно истолковать как результаты соответствующих условий производства, сегодня верят очень немногие; хотя и здесь хватало голосов, обозначавших те события как исторические необходимости, которые были обусловлены материальными условиями того времени. По той же логике можно было бы говорить об исторической миссии организованной преступности в Америке, что было бы не более умно.

Факт то, что они (государства) в обе прошедшие мировые войны задействовали не только буржуазию, но так же с обеих сторон людей всех общественных прослоек, среди прочих и подавляющее большинство организованных рабочих. О движущих причинах этого явления я выскажусь в следующий раз; пока же достаточно подчеркнуть этот неоспоримый факт. Если бы даже и было правдой, что условия производства определяют общественное сознание, как это объявил Маркс, то из вышеназванного факта следует, что сознание людей определяется не принадлежностью к классу, но представлениями индивидуума, к какой бы прослойке общества он не относился. Это видно уже по тому, что во всех великих социальных сражениях истории огромные массы угнетаемого народа давали подвигнуть себя на защиту

прав своих хозяев, в то время как именно прогрессивные части привелегированных выступали за изменение социальных условий. Это верно и в отношении социализма, так как подавляющая часть его духовных предвестников не из пролетарского лагеря, но происходит из верхних классов общества. Даже замечание, что рабочим зачастую мешает их же незнание распознать свои истинные интересы, ничего не доказывает, ибо незнание – это не экономический, а психологический фактор, встречающийся у всех прочих классов и даже у интеллектуалов столь же часто. Если бы это не было так, то тот духовный хаос, из которого произошли обе мировые войны, и тот, который последовал за ними, был бы немислим.

Если война – это явление, до сих пор встречавшееся во всех известных эпохах истории, то и во все времена были люди и движения, которые верно распознавали ужасное влияние войны на жизненные условия общества, от китайского мудреца Лао-Цзы до Зено и поздних стоиков. Такие великие религиозные движения, как буддизм и раннее христианство, пока оно не попало под влияние церкви, проклинали войну и выступали за мир между людьми. Многочисленные христианские секты Средневековья, от гностиков, манихеев и бугомилов до Братьев свободного Духа, которые все были преследуемы церковью как еретики, следовали одним и тем же убеждениям. Во всех этих движениях принимали участие люди различных общественных классов. Так же и выдающиеся представители европейского гуманизма, которые ещё не были ослеплены националистскими предрассудками и рассматривали человеческую культуру как одно целое, вместе с Леонардо да Винчи обвиняли войну как «величайшую человеческую глупость». Из их рядов вышли первые основы Международного права, которое нашло в голландце Гроциусе своего сильнейшего представителя. И в наше время хватает таких устремлений, которые, однако, не бывают привязаны к одному определённом классу. Факт то, что многие известные ораторы современного пацифистского движения происходят из лагеря буржуазии и даже аристократии. Об огромном моральном влиянии деятельности Ганди можно даже здесь не упоминать, ибо оно известно всем.

Именно потому, что из экономики сделали исходный момент всего происходящего в обществе, а в капитализме вообразили необходимое историческое условие для воплощения социализма, не распознали власто-политическое влияние государства и дали совратить себя к тому, чтобы делать всё большие уступки централизму, как это сделало большинство организованного рабочего движения к своему же несчастью. К каким искажениям может привести подобный образ мысли, показала позиция Вильгельма Либкнехта во время Южноафриканской войны, который оправдывал поведение Англии тем, что как это в интересах социального развития, когда мелкий капитал поглощается крупным капиталом, так же в интересах прогресса и то, что малые страны вытесняются крупными. По этой логике различия между правдой и неправдой больше не было. Позднейшие представители идеи тоталитарного государства довели это учение до крайности тем, что приносили в жертву политической машине ум и душу человека. Именно сегодня, когда мы стоим на пороге новой эпохи, которая решит судьбу человечества на долгие времена, вдвойне важно распознать эти внутренние взаимосвязи, если мы не желаем снова вступить в порочный круг слепоты и беспомощно приближаться к ещё более глубокой пропасти.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт



Рудольф Роккер
Государство и война
1953

Скопировано 23 декабря 2014 года с <https://vk.com/anarcholibrary>
(Staat und Krieg; Aufsatzsammlung Band 2; 1949-1953) Перевод с немецкого: Ndejra

ru.theanarchistlibrary.org